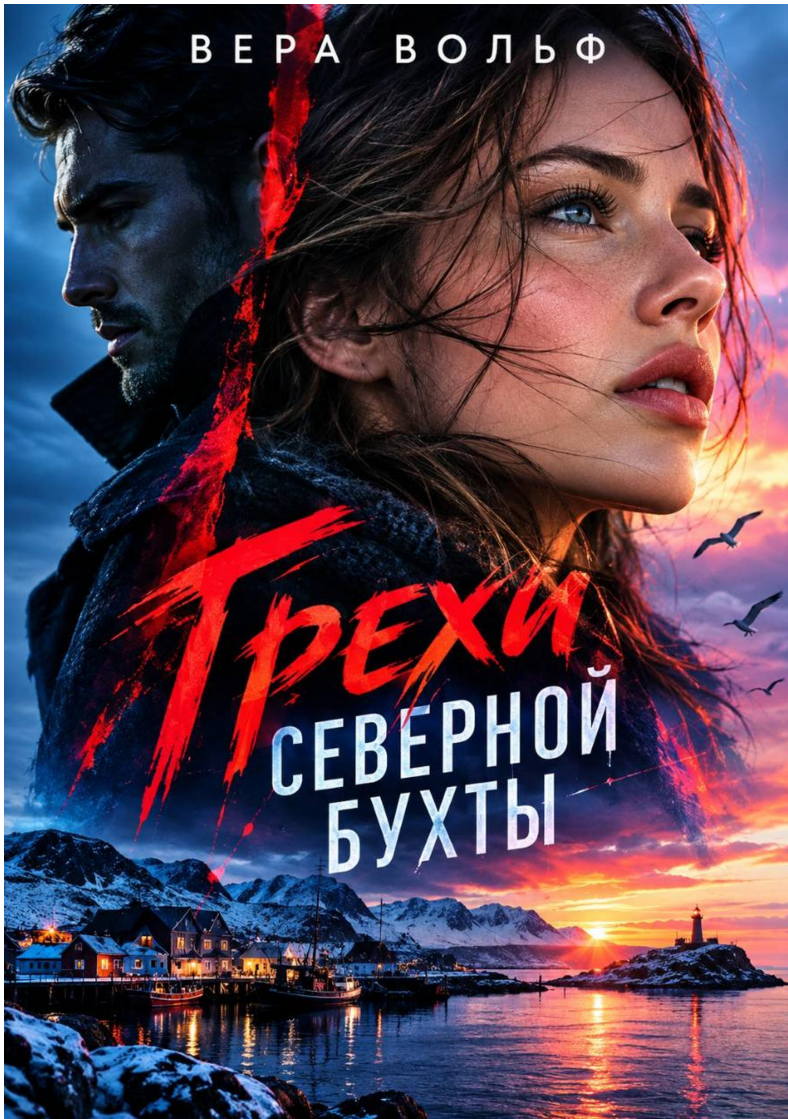

ВЕРА ВОЛЬФ

ТРЕХИ
СЕВЕРНОЙ
БУХТЫ

Вера Вольф

Грехи Северной бухты

<https://litres.ru/74574459>

SelfPub; 2026

Аннотация

От ненависти до любви. Властный мэр и его вынужденная помощница. Грехи прошлого, за которые придется платить.

Семь лет назад я предала его ложными показаниями и сбежала из города. Теперь я вернулась в Северную бухту только за одним — продать бабушкин дом и исчезнуть навсегда.

Но бывший — теперь мэр этого города. И у него свои правила. Он не подпишет документы, пока я не отработаю месяц в его приёмной. Тридцать дней под его жестким контролем. Тридцать дней пронзительных взглядов, скрытой страсти и войны на поражение.

Смогу ли я устоять перед мужчиной, который мечтает меня сломать или искупить свою вину в его объятиях?

Содержание

Глава 1. Полярная ночь	4
Глава 2. Условия мэра	13
Глава 3. Дом над фьордом	25

Вера Вольф

Грехи Северной бухты

Глава 1. Полярная ночь

Самолёт тряхнуло при посадке.

Я вцепилась в подлокотник и выругалась сквозь зубы. Сосед слева покосился. Плевать. Семь лет не летала в эту дыру — и вот пожалуйста, первый же рейс пытается меня убить.

За иллюминатором была чернота.

Ни огней. Ни взлётки. Только редкие жёлтые пятна далеко внизу. Полярная ночь — в декабре здесь темнеет к обеду, и темнота висит до февраля. Я забыла, каково это. В Москве даже зимой есть иллюминация, витрины, вечный белый шум.

Здесь тишина.

Самолёт затормозил, и по спине побежал холод. Не от погоды — от мысли, что я снова здесь.

Аэропорт Северной бухты напоминал автовокзал образца девяностых. Одноэтажное здание из серого бетона, вывеска с перегоревшими буквами, очередь из двух такси. Я шла по трапу, ветер бил в лицо — слёзы наворачивались сами.

— Не реви, — сказала себе вслух.

Поправила шарф и втянулась внутрь.

Зал прилёта пустовал. Три скамейки, стойка с надписью «Информация» (никого), автомат с кофе, который, судя по ржавчине, работал ещё при царе Горохе. И запах — рыба, солярка, дешёвая сигаретная вонь. Тот самый, от которого хотелось бежать в семь лет, в пятнадцать, в восемнадцать.

И сейчас.

Я направилась к выходу, доставая телефон. Водитель написал, что ждёт. Серый «Хёндэ», номера такие-то. Хорошо. Сразу на такси — в дом над фьордом, забрать документы, и через два дня обратно в Москву.

Простая схема.

Я почти дошла до двери, когда меня перехватили.

— Аля Панфилова?

Голос низкий, холодный. Я замерла, не оборачиваясь. Знакомый голос. Слишком знакомый.

— К вашим вопросам есть вопросы? — ответила я, не поворачиваясь.

— Повернись.

Приказ. Без «пожалуйста». Без вариантов.

Я медленно обернулась.

Тимур стоял в трёх метрах. Чёрное пальто, серый шарф, под ним — тёмный костюм. Он выглядел старше. Семь лет прошло. Лицо жёстче, скулы острее, под глазами тени. И эта его родинка над губой — прищурилась, и я всё равно её вижу.

Его взгляд прошёлся по мне сверху вниз. Оценил. И, судя

по тому, как дёрнулась челюсть, оценка его не устроила.

— Та же куртка? — спросил он.

— Та же фигура, — ответила я. И тут же пожалела — прозвучало как... неважно. — Ты мэ́р? Поздравляю. Вода в кране всё так же пахнет ржавчиной?

Рядом с ним стояли двое. Мужчина в форме — полиция. И женщина с планшетом — ассистентка. Я её не знала.

— Обыск, — сказал Тимур и кивнул полицейскому. — Проверьте багаж.

— Что? — я сделала шаг назад. — На каком основании?

— Есть информация, что вы везёте запрещённые вещества.

— Это ложь.

— Возможно, — он пожал плечами. — Но проверка займёт время. Часа два-три.

Я посмотрела на полицейского. Тот стоял с каменным лицом. Ждал команды. От Тимура.

— Ты не можешь так просто... — начала я.

— Могу, — перебил он. — Я мэ́р. А ты — дочь человека, который довёл этот город до ручки. У меня полно оснований тебя проверить.

Он шагнул ближе. Я почувствовала запах его одеколона — хвоя и море. Тот же, что семь лет назад.

Даже парфюм не сменил.

— Что тебе нужно? — спросила я тихо.

— Чтобы ты ответила на один вопрос.

— Какой?

— Зачем вернулась?

Я сжала лямку сумки. Пластиковый зажим хрустнул. Не здесь. Не при нём. Не сейчас.

— Продать дом, — сказала ровно. — Бабушка умерла. Я наследница. Всё по закону.

— Дом не продаётся без подписи мэра. Участок в прибрежной зоне.

— Я знаю. Поэтому я здесь, чтобы получить эту подпись. Тимур усмехнулся. Коротко, без тепла.

— Получишь. Но не так быстро.

Он махнул полицейскому. Тот взял мою сумку с плеча. Я хотела вырвать, но Тимур перехватил мою руку.

Хватка жёсткая — пальцы впиваются сквозь перчатку, сдавливают запястье до хруста. И горячие. Даже через ткань я чувствую этот жар.

— Не дёргайся, — сказал он тихо. — Или я оформлю сопротивление при задержании.

— Ты блефуешь.

— Проверь.

Я посмотрела в его глаза. Тёмные, почти чёрные в тусклом свете аэропорта. В них не было ненависти. Было что-то другое. Что-то, от чего внутри всё сжалось.

Он не забыл. Он не простил.

И он не отпустит меня просто так.

— Отпусти, — сказала я.

Он отпустил. Но остался стоять вплотную. Так близко, что я видела, как бьётся жилка на его шее.

— Я подготовил контракт, — сказал он. — Месяц работы в моей администрации. В обмен — подпись на продажу.

— Ты псих.

— Возможно. Но это единственный способ.

— А если я откажусь?

Он посмотрел на полицейского. Тот кивнул и ушёл с моей суммой в служебное помещение.

— Тогда твои вещи пробудут здесь трое суток, — сказал Тимур. — Пока идёт проверка. А ты — в гостинице, если найдёшь свободный номер. Сезон, знаешь ли, туристы едут на полярную ночь.

— В декабре?

— У нас теперь белые ночи круглый год. Для туристов, — он криво усмехнулся. — Не знала?

Я ничего не знала. Я вычеркнула этот город из памяти. А он, оказывается, жил. И этот человек управлял им.

— Зачем тебе это? — спросила я. — Мстить?

— Я не мщу.

— Лжёшь.

— Я восстанавливаю справедливость, — он наклонился ближе. — Ты уехала, когда я нуждался в тебе. Ты дала показания против меня, хотя знала, что это ложь. Ты разбила мою карьеру — и карьеру моего отца. А теперь приезжаешь, как ни в чём не бывало, и хочешь продать дом, который твоя

бабушка завещала городу по духу, если не по букве закона.

— Не завещала.

— Она хотела, чтобы дом остался в Бухте. Не для того, чтобы какой-то московский инвестор превратил его в отель.

— Откуда ты знаешь про инвестора?

Тимур выпрямился. И тут я поняла. Он не просто так меня встретил. Он знал, что я прилечу. Знал про Соболева — того самого, который уже позвонил два раза с предложением на 10 миллионов. Знал всё.

— В Бухте нет секретов, Аля, — сказал он. — Ты должна была помнить.

Я молчала. Что сказать? Что я помню каждую сплетню, каждую улыбку, каждую ночь, когда он ждал меня у крыльца? Что я помню, как он впервые поцеловал меня в наказание — за то, что я убежала с его другом?

Нет. Это останется там. В прошлом.

— Покажи контракт, — сказала я.

Тимур достал из внутреннего кармана пальто плотный лист. Протянул. Я взяла — и сразу увидела пункт 4.3: «В случае досрочного расторжения договора по инициативе работника, объект недвижимости (дом 12 по ул. Фьордовой) переходит в собственность муниципалитета по оценке 500 000 рублей».

— Полмиллиона, — сказала я. — Дом стоит восемь.

— Если ты отработаешь месяц — я подпишу разрешение на продажу любому, кроме Соболева. Если нет — дом отхо-

дит городу. Прозрачная схема.

— Ты хочешь, чтобы я провалилась.

— Я хочу, чтобы ты осталась, — сказал он.

И замолчал. Слишком резко. Слишком поздно понял, что сказал вслух.

Я подняла глаза.

Он отвёл взгляд.

Вот это новость. Мэр Северной бухты, который только что угрожал полицией и держал за руку, как конвоир, — он не хочет, чтобы я уезжала.

Или хочет. И сам не понимает.

— У меня нет выбора, — сказала я.

— Нет, — согласился он.

Он протянул ручку. Я взяла. Секундное колебание — чёрточка застыла над бумагой.

— Боишься? — спросил Тимур.

— Ненавижу тебя, — вернула ручку и бумагу, — всё завтра.

Тимур забрал контракт, сложил и убрал в карман.

— Первый рабочий день завтра, девять утра. Администрация, второй этаж. Опоздаешь — штрафные часы.

— Какие штрафные?

— Узнаешь.

Он свистнул полицейскому. Тот вышел с моей сумкой. Поставил у ног.

Я хотела что-то сказать. Спасибо? Иди к чёрту? Не знаю.

Тимур развернулся и пошёл к выходу. Полицейский за ним. Ассистентка осталась стоять.

— Он всегда такой? — спросила я у неё.

Она взглянула на меня с любопытством.

— Добро пожаловать обратно, Панфилова, — сказала она и вышла следом.

Я осталась одна в пустом зале.

Автомат с кофе зашипел и выплюнул струю кипятка. В окно билась муха — откуда она здесь зимой? За стеклом темнота.

Я наклонилась за сумкой. Потянула лямку. И замерла.

На руке — шрам.

Тонкая белая линия на левом запястье. Я уж и забыла про него. А теперь смотрела и вспоминала: тот день, разбитое стекло, кровь на снегу. Мне было восемнадцать. Я уезжала навсегда. И поклялась, что никогда не вернусь.

Прошло семь лет.

Я вернулась.

Телефон завибрировал. Сообщение от водителя: *«Жду у выхода, номер 564»*.

Я натянула перчатку — закрыла шрам. Взяла сумку. Толкнула дверь.

Холод ударил в лицо. Запах моря и сосен. И где-то далеко, за чертой города, — свет в окне дома над фьордом.

Бабушка смотрела оттуда всю жизнь. Даже мёртвая — смотрела.

Я села в машину. Водитель — молчаливый мужчина лет пятидесяти — кивнул и завёл двигатель.

— В Панфиловку? — спросил он.

— Да, — ответила я.

Какое дурацкое название.

Мы выехали со стоянки. Фары выхватили из темноты табличку: «Северная бухта, 12 км». Знак проржавел, буквы стёрлись.

Но дорогу я помнила.

Каждый поворот. Каждый столб. Каждую секунду того лета.

Телефон пиликнул.

«Не опаздывай. Я терпеть не могу ждать»

Я убрала телефон. Оглянулась в заднее окно.

Там, на крыльце аэропорта, стояла фигура в чёрном пальто. Тимур смотрел вслед машине.

Я закрыла глаза.

Первый день завтра.

Первый день из тридцати.

А потом — свобода.

Машина выехала на трассу. Скучные огни аэропорта исчезли. Осталась только темнота, дорога и его сообщение.

Я не ответила.

Глава 2. Условия мэра

Часы на стене тикают. Громко. Я смотрю на них. Потом на дверь. Потом снова на часы.

За окном — ни одного просвета. Полярная ночь. Фонари горят впустую. Администрация на центральной площади, но в декабре темно даже в полдень. Я вижу своё отражение в стекле — бледное, с тёмными провалами глаз.

— Кофе, — говорю в интерком.

Зоя появляется через пятнадцать секунд. Чашка, пар, печенье. Я не просил печенье. От старых кресел пахнет кофе и пылью. Мой пиджак — кожей и морозом.

— Она придёт? — спрашивает Зоя.

— Кто?

— Панфилова.

Делаю глоток. Кипяток обжигает язык. Так надо. Ставлю чашку — на блюде остаётся коричневый след.

— Ты ни о чём не хочешь меня спросить? — Зоя не уходит. — Семь лет прошло. Встречаешь её в аэропорту с ментами, подписываешь какой-то контракт. Люди звонят.

— Пусть звонят.

— Тимур...

— Уйди.

Она уходит. Я смотрю на печенье. Беру — надкусываю. Пресное. Кладу обратно.

Девять ноль-ноль.

Открываю ноутбук. Почта — пусто. Соболев прислал очередное предложение — в спам. Отец Али написал жалобу — туда же. Трижды проверяю телефон. Звонков нет.

В коридоре шаги.

Быстрые. Злые.

Стук по косяку — металл задевает дерево.

Поднимаю голову.

Стоит в дверях. Вчерашняя куртка, джинсы, свитер. Волосы мокрые — снег тает, капли падают на плечи. Щёки красные от мороза. Глаза злые. Воротник натянут до подбородка — дышит в ткань.

— Ты опоздала на три минуты.

Смотрю на часы. Тикают. Она смотрит туда же.

— Три минуты — не опоздание.

— У меня свои правила.

Закатывает глаза. Входит. Под её ботинками скрипят половицы. Садится без приглашения — напротив. Сумка с глухим стуком падает на пол.

— Где контракт?

Достаю из сейфа. Кладу на стол. Бумага шелестит.

— Читай. Пункт 7.2.

Читает. Брови лезут вверх. Ногти — короткие, без лака — оставляют следы на уголке листа.

— Штрафные часы? Ты серьёзно?

— Каждая минута опоздания — плюс час работы. Сего-

дня до девяти вечера.

— Это незаконно.

— Это условия. И тебе их придётся принцть.

Берёт ручку. И вдруг — резко — рвёт контракт пополам. С хрустом, волокна бумаги расходятся неохотно. Ключья летят на пол.

— Теперь нет никаких условий. Я уезжаю.

Встаёт. Поднимает сумку, выпрямляется.

Я делаю два шага из-за стола — перегораживаю проход. Она упирается взглядом в мою грудь, поднимает глаза.

— Сядь.

— Не сяду.

— Сядь, Аля.

Смотрит в упор. Зрачки расширены — почти чёрные. Я помню этот взгляд. Твёрдый, холодный. Внутри — паника.

— Ты не сможешь меня удержать.

— Уже удерживаю.

Протягиваю руку — медленно — достаю из папки на столе второй экземпляр. Она следит за движением.

— Ты распечатал копию?

— Три копии. Четвёртая в облаке.

— Ты псих. Лечись.

— Садись.

Секунду стоит. Я чувствую запах её мокрой куртки — прелый мех и снег. И под ним — яблоки и корица.

Пальцы впиваются в лямку. Она садится.

Кладу перед ней новый контракт. Придвигаю ручку — та катится по столу, стучается о край папки.

— Сегодня первый рабочий день. Должность — специалист по связям с общественностью. По факту — моя помощница. Звонки, отчёты, встречи.

— Звучит как ад.

— Так и есть. Подписывай.

Смотрит на ручку. Потом на меня.

— Если подпишу — отдашь мне дом?

— Если отработаешь месяц — да.

— Слово мэра?

Наклоняюсь. Наши лица в сантиметре. Её дыхание — тёплое — касается моей шеи. Пахнет яблоками.

— Слово человека, которого ты предала. Оно чего-то стоит?

Бледнеет. Берёт ручку. Подписывает. Грифель скрипит по бумаге.

Прячу контракт в сейф. Закрываю. Замок щёлкает.

— Зоя! Покажи ей рабочее место.

Дверь открывается. Зоя заглядывает.

— Идёмте.

Аля встаёт. У двери останавливается. Не оборачивается.

— Ты не изменился.

— Ты тоже.

Уходит. Я слышу её шаги — по коридору, потом в приёмную.

Через десять минут Зоя возвращается.

— Она рвёт документы в приёмной.

— Какие?

— Заявления от жителей. Говорит, ошибок много. Перепечатывает.

Уголок губ дёрнулся — одёргиваю себя.

— Пусть рвёт. К обеду папка на подпись.

— Ты издеваешься?

— Нет. Проверяю границы.

— Чьи? Её или свои?

Зоя уходит. Я не отвечаю. Смотрю в окно — в черноту. Там ничего нет.

В двенадцать она приносит папку.

Аля идёт следом. Бледная, губы в нитку. Я замечаю — у неё дрожат пальцы, когда она поправляет рукав блузки. Прячет шрам.

— Восемнадцать заявлений, — Зоя кладёт папку на стол.

— Перепечатала все.

Открываю. Первый лист. Второй. Третий.

Без ошибок. Идеальные формулировки. Даже подписи жителей. Она перерисовывала их вручную — я вижу нажим.

— Хорошо.

— Это всё? — Аля смотрит на меня.

— Нет. В три едем к Соболеву. Будешь вести протокол.

— Я не секретарша.

— Помощница. Делаешь то, что скажу.

Хочет что-то сказать — открывает рот. Зоя качает головой — незаметно, одними глазами. Аля замечает. Замолкает.

Уходит. Я слышу — не сразу идёт к себе. Останавливается у двери. Стоит. Потом шаги удаляются.

Зоя задерживается.

— Ты её сломаешь.

— Не сломаю.

— Сидела в туалете полчаса. Вернулась красная. Плакала.

Сжимаю челюсть до хруста.

— Не мои проблемы.

— Твои. Сам притащил.

Дверь закрывается. Я остаюсь один.

Телефон пиликнул — напоминание. Три часа. Я уже готов.

В половине третьего выхожу в приёмную.

Сидит у окна. Волосы собраны, белая блузка, юбка. Чёрная, узкая. Берёт планшет, диктофон, блокнот. Грузит в сумку.

— Всегда столько таскаешь?

— Хочу всё записать.

— Соболев не терпит записи. Слушай и запоминай.

Замирает. Диктофон так и остаётся в руке.

— Это невозможно. Он говорит быстро.

— Твои проблемы.

Выходим. Мороз щиплет щёки. Она натягивает воротник

до подбородка, дышит в ткань. Пуховик — тот самый. Я помню.

Сажусь за руль. Дворники скребут по замёрзшему стеклу. Она садится рядом. Хлопает дверью — тяжело.

— Поехали.

— Не могу. Ремень.

Поворачиваюсь. Её пальцы — голые, без перчаток — пытаются защёлкнуть замок. Дрожат. Не от холода — от напряжения. Боится Соболева. Или меня.

— Дай сюда.

— Что?

— Ремень.

Наклоняюсь. Пальцы натыкаются на её — ледяные. Она дёргается, отводит руки. Я застёгиваю. Медленно. Тяну ремень, слышу, как она выдыхает.

— Ты издеваешься.

— Нет. Работаю.

Выпрямляюсь. Завожу. Двигатель рычит.

Едем по набережной. Справа море — чёрное, в белых шапках волн. Слева дома. Те же. Пекарня, магазин, бар. Ветер свистит в щель окна.

— Ты часто сюда ходил? — спрашивает. Смотрит не на меня — на тёмное стекло.

— Куда?

— В «Морж». Мы встречались.

— Не помню.

— Врёшь.

Сжимаю руль.

— С чего ты взяла, что буду с тобой откровенничать?

Пауза. Она перебирает пальцами край сумки.

Молчу.

— И машину не сменил. И паспорт в левом кармане. Видела, когда наклонялся.

— Ты слишком наблюдательная для той, кто семь лет делала вид, что меня не существует.

В салоне тихо. Только дворники. Она замолкает.

Отель «Северный» — бывший санаторий. Снаружи серая коробка, внутри мрамор и тишина. Ковры глушат шаги.

Заходим. Портье кланяется. Аля идёт следом. Я слышу её дыхание — частое.

— Не глазей. Здесь везде камеры.

Опускает взгляд. В лифте — ни слова. Я чувствую запах дорогого кондиционера — приторно-сладкий.

Поднимаемся на третий этаж. Стучу. Открывает помощник — рыжий парень в очках.

— Проходите. Константин Борисович ждёт.

Соболев сидит в кресле у окна. Пятьдесят, костюм, часы. От него пахнет табаком и кожей. Улыбается.

— Тимур! А это Аля Панфилова. Наслышан.

Встаёт. Протягивает руку. Аля медлит секунду — смотрит на меня. Я отвожу взгляд. Она жмёт. Рукопожатие короткое.

— Приятно.

— Взаимно. Жаль, что ваш дом стоит заброшенным.

— Я его восстановлю.

— Продадите, — поправляю.

Соболев переводит взгляд. Усмехается.

— У вас разные планы?

— Контракт. Месяц работы — и подпись.

— В качестве кого?

— Помощницы.

— Оригинально. Садитесь.

Садимся. Кресло скрипит подо мной. Аля достаёт блокнот. Смотрит на меня.

— Записывать?

— Нет.

— Пусть запишет, — Соболев машет рукой. — Мне нечего скрывать.

Час переговоров. Цифры, планы, сроки. Отельный комплекс на месте верфей. Соболев говорит быстро — глотает окончания. Аля пишет. Не отрываясь.

— Ваше мнение? — вдруг спрашивает её.

Аля поднимает глаза. Смотрит на меня. Я качаю головой — нет. Она отводит взгляд. Кусок пластиковой ручки зажат в пальцах.

— Моё?

— Просто скажите. Я не кусаюсь.

Пауза. Она облизывает губы. Медлит. Потом говорит —

тихо, но чётко:

— Верфи не работают десять лет. Снести — потерять историю. Не снести — будут гнить. Можно один цех под музей. Остальное — отели.

Соболев молчит. Потом наклоняется.

— А вы смелее, чем о вас говорят.

— Что говорят? — голос ровный. Но я вижу, как её пальцы сжимают ручку.

— Что вы избегаете сложных решений.

Аля бледнеет. Я подаюсь вперёд — спиной перекрываю ей обзор.

— Хватит.

— Констатирую факты, — улыбается Соболев. — Переходите ко мне. Плачу в пять раз больше.

— Она по контракту.

— Контракты рвут.

— Не этот.

Встаю. Аля тоже — быстро. Слышу, как блокнот падает на пол. Она поднимает.

— Уезжаем.

У двери Соболев догоняет — бесшумно, ковры не выдают.

— Передайте привет отцу. Слышал, вернулся.

Аля замирает. Я хватаю её за локоть — под пальцами тонкая кость, напряжённые мышцы.

— Не слушай. Провоцирует.

В машине молчит. Я тоже. Дворники шуршат. Она смотрит в окно — на чёрную воду.

Поворачиваю ключ.

— Ты как?

— Нормально.

— Врёшь.

— Учись отличать.

Давно умею. Правда — её руки дрожат на коленях. Она их сжала в замок. Спрятала.

— Аля.

— Что?

— Отец правда в городе?

Смотрит в окно. Молчит. Я жду.

— Не знаю. Не общалась семь лет.

— Звонил мне. Требовал встречи.

— И что ответил?

— Что ему не рады.

Поворачивается. В глазах удивление. Настоящее — не игра.

— Почему?

— Потому что он тебя использовал. Я не простил ему.

Тишина. Только дворники шуршат. И её дыхание — медленное, глубокое.

— А мне? — тихо. — Ты мне простил?

Смотрю на дорогу — белую, пустую.

Не отвечаю.

Потому что если честно — нет.
Она сама знает.

Глава 3. Дом над фьордом

Калитка заедает.

Дёргаю — раз, второй. Ржавчина осыпается. Снег под ногами хрустит, но не белый. Серый, перемешанный с песком.

Улица пуста. Раннее утро, полярная ночь, но здесь даже фонарей нет. Только море внизу — чёрное, тяжёлое, с белыми барашками волн. И ветер. Такой ветер, что слёзы текут сами.

Толкаю калитку. Захожу во двор.

Дом стоит на скале. Сосны вокруг, снег на крыше. Бабушка любила этот дом. Я любила. Сейчас он похож на труп.

Окна целы — чудо. Но дверь открыта. Не взломана — просто открыта. Кто-то аккуратно подобрал ключ, вошёл и похозяйничал.

Поднимаюсь на крыльцо. Третья ступенька прогнила — нога проваливается по щиколотку. Матерюсь сквозь зубы.

Толкаю дверь. Запах. Плесень, сырость, холод. И что-то сладковатое — гнилые доски? Мыши?

Внутри темно. Нашупываю выключатель — света нет. Отключили. Достая телефон, включаю фонарик. Луч скользит по стенам.

Следы. Грязь на полу, раздавленные окурки, пустые бутылки. Кто-то жил здесь. Недавно.

Прохожу на кухню. Печь разбита. Кирпичи валяются на

полу, сажа на стенах. Провожу пальцем по одному — палец чернеет, печёт. Раковина сорвана, трубы торчат ржавыми пальцами. Шкафчики открыты — внутри пусто.

Бабушкины тарелки. Её чайник. Её ложки с потёртыми ручками. Всё исчезло. Замираю посреди кухни. Фонарик дрожит в руке.

Не реви.

Гостиная. Диван порван, пружины торчат наружу. Ковёр исчез — на полу голые доски, покрытые чем-то чёрным. Телевизора нет. Книжного шкафа нет. Даже штор нет — голые карнизы.

Спальня бабушки. Не хочу туда заходить. Но иду. Кровать на месте — слишком большая, чтобы вытащить. Матрас исчез. Остался деревянный каркас с резными спинками. Кто-то нацарапал на изголовье ножом: «Здесь была Аня».

Выдыхаю. Сжимаю телефон так, что пластик скрипит.

Выхожу на крыльцо. Вдыхаю морозный воздух. Дрожу — от холода или от злости, не пойму.

Набираю 112.

— Служба спасения.

— Мне нужна полиция. Взлом, кража, вандализм.

— Адрес?

— Северная бухта, улица Панфиловка, дом двенадцать.

— Минуту.

Гудки. Переключения. Музыка ожидания. Жду. Снег падает на волосы, тает, стекает за шиворот.

— Дежурный старшина Семёнов. Что случилось?

Объясняю. Коротко, чётко. Семь лет юриста на нервах — хоть что-то полезное.

— Дом разграблен, — говорю в конце. — Следы присутствия, повреждения, пропажа имущества.

— Ваша собственность?

— Я наследница.

— Документы?

— В машине.

— Приезжайте в отделение. Напишите заявление. Выезд на место — через неделю, не раньше.

— Неделю? Там всё сожгут.

— Приоритетность, гражданочка. У нас два трупа за неделю. Не до вашей дачи.

— Это не дача. Это дом.

Пауза. Он что-то жуёт — слышно хруст.

— Я понял. Через неделю.

Кладут трубку.

Смотрю на экран. Звоню обратно — занято. Ещё раз — сброс.

— Да чтоб тебя.

Убираю телефон в карман. Огибаю дом. Газовый баллон на месте — не утащили. Крыша не просела. Стены целы.

Самое дорогое — не стены. Самое дорогое — внутри.

А внутри пусто.

Сажусь на ступеньки. Ветер хлещет по лицу. Где-то вни-

зу, за обрывом, море шумит. Волны бьют в скалы, шипят, откатываются.

Здесь мы строили шалаш. Здесь он впервые меня поцеловал.

Закрываю глаза.

Вспоминать — больно. Не вспоминать — не получается.

Телефон пищит. Водитель: *«Жду у калитки, долго ещё?»*

Пишу: *«Иду»*.

Встаю. Отряхиваю снег. И замечаю — на перилах крыльца синяя лента.

Полицейская? С цифрами, с печатью.

Дёргаю — не отвязывается, висит глухо. Кто-то из полиции был здесь. И не просто был — опечатал.

Но дом не опечатан. Дверь открыта.

Набираю другой номер. Помню наизусть.

Тимур не берёт. Гудки, автоответчик.

— Вы дозвонились до приёмной мэра. Оставьте сообщение.

— Это Аля. Дом разграбили. Я звонила в полицию — они дали неделю. Ты говорил, что это зона твоей ответственности. Приезжай. Посмотри, во что превратили бабушкин дом. Отбой.

Минута. Две. Тишина.

Не перезванивает.

Иду к такси. Водитель дремлет за рулём. Стучу в окно — вздрагивает.

— В гостиницу?

— В администрацию.

Едем. Смотрю в боковое зеркало. Дом становится маленьким, потом точкой, потом исчезает за поворотом.

Главная площадь. День, а темно, как ночью. Ёлку поставили — гирлянды мигают красным и зелёным. Дети катаются с горки. Обычная жизнь.

У меня внутри всё кипит.

Захожу в администрацию. Зоя на ресепшене, пьёт кофе.

— О, Панфилова. Вы сегодня не в форме.

— Где он?

— На совещании. Через час.

— Подожду.

— Он не велел пускать.

Сажусь напротив. Зоя смотрит поверх чашки.

— В доме была?

— Была. Разграблен.

— Знаю. Соболев подсылал людей.

Замираю.

— Что?

— Менты нашли следы, но дело закрыли. Тимур сам сказал.

— Сам сказал закрыть?

Зоя поджигает губы. Отводит взгляд.

— Не должна этого говорить.

— Зоя.

— Он сказал: «Пусть она увидит, что без меня ничего не решить».

Встаю.

— Подождите, — Зоя хватает за руку. — Не сейчас. Он в бешенстве. Соболев прислал новое предложение, совет депутатов против него. Вечером приходите в «Морж». В восемь. Он там будет один.

Выдыхаю. Киваю.

— Спасибо.

— Не за что. И будьте осторожнее.

Выхожу.

До вечера — валяюсь в гостинице. Телевизор не работает. Интернет ловит через раз. Листаю фото в телефоне — бабушка, её улыбка, её руки.

В семь выхожу. Джинсы, свитер, та же куртка. В лифте зеркало показывает бледное лицо, растрёпанные волосы, шрам на запястье.

Натягиваю перчатку.

«Морж» — место для своих. Дерево, кожа, запах жареной рыбы и дешёвого виски. Вхожу — несколько голов поворачиваются.

Знакомые лица? Семь лет — большой срок.

Тимур в углу. Один. Перед ним — недопитый стакан.

Подхожу.

— Можно?

— Нет.

— А я всё равно сяду.

Сажусь напротив. Бармен подходит — заказываю двойную.

— Не пей, — говорит Тимур.

— Тебе какая разница?

— Если напьёшься, завтра не выйдешь на работу.

— Я не пить пришла. Спросить.

— Спрашивай.

Наклоняюсь. Низко, чтобы никто не слышал.

— Ты знал про вандалов. Зоя сказала, ты приказал закрыть дело.

Он не отводит взгляд.

— Не врёт.

— Зачем?

— Чтобы ты поняла.

— Что?

— Что я здесь главный. Что дом не продашь без меня. Что не выберешься, пока не разрешу.

Кладу ладонь на стол. Между нами — пустой стакан и его пальцы.

— Ты хуже моего отца, — говорю тихо.

— Возможно.

— Ты используешь меня.

— Да.

— И тебе не стыдно?

Молчит. Смотрит. В полумраке бара глаза кажутся чёр-

ными.

— Семь лет назад ты использовала меня, — говорит. — Дала показания, знала, что это ложь. Меня могли посадить.

— Но не посадили.

— Отец нашёл деньги на адвокатов. А ты уехала. Даже не попрощалась.

Сжимаю пальцы.

— Я сейчас не об этом.

— А я об этом.

Пауза. Внутри всё сжимается.

— Признаю.

Тишина.

— Что? — он замирает.

— Признаю. Мне стыдно. Я была дура. Боялась отца. Боялась, что выгонит, оставит без денег, без дома. Выбрала безопасность.

— И как безопасность?

— Отстойно.

Он почти смеётся. Сдерживается.

— Ты не изменилась.

— Изменилась. Раньше бы не призналась.

Поднимает стакан. Пьёт. Ставит с глухим стуком.

— Дом восстановят. За счёт города.

— Почему?

— Потому что я так решил.

— А если не хочу твоей помощи?

— Тогда сгниёт. Выбирай.

Смотрю на него. Родинка над губой темнее обычного. Он зол. Но не на меня. На себя.

— Хорошо. Восстанавливай.

— Условие.

— Какое?

— Будешь жить в доме, пока идёт ремонт. Сама. Смотреть за рабочими.

— Чтобы ты имел надо мной ещё больше власти?

— Чтобы ты была в безопасности. — Замолкает. Поправляется: — Чтобы я знал, где ты.

Встаю.

— Ты псих.

— Уже слышал.

— Рабочих завтра в семь утра. Опоздают — уезжаю.

Кивает.

Разворачиваюсь.

— Аля.

Останавливаюсь.

— Твой отец в городе. Не встречайся с ним одна.

Ухожу. За спиной — музыка, голоса, звон стаканов. Выхожу на улицу. Холод бьёт в лицо, и запах виски остаётся на губах.

Телефон пиликает. Незнакомый номер.

«Привет, дочка. Я скучал. Давай встретимся. Ответь маме».

Смотрю на экран. Пять секунд. Десять. Не удаляю. Переименовываю контакт в «Не братъ».

Отец вернулся.

Это хуже, чем Тимур. Потому что Тимур хотя бы честен в своей ненависти. А этот будет улыбаться и резать ножом.

Иду по набережной. Огни гирлянд отражаются в снегу. Фейерверк — зелёные искры падают в чёрную воду. Останавливаюсь у перил.

Он заплатит. За каждый день, что я здесь.